

Волна уйдет и вновь накатит.
 Валун блестит. Луна мертва.
 Орет баклан. Белеет катер.
 На черном черная сова
 Как черный росчерк. И ни звука...
 Поговори со мной, печаль,
 О том, как тяжела разлука,
 И ничего уже не жаль —
 Ни тех полос, ни тех колосьев,
 Ни тех снегов, когда в ночи
 Звезда блестит из-под полозьев,
 А по утрам хлеба в печи
 Дружны и высоки, и жарки,
 И у красавиц на заре
 Ресницы, брови, полушалки
 В таком роскошном серебре!
 И этого богатства столько,
 Что хочется лишь одного —
 Смотреть на эту Русь и только,
 Боясь дыханья своего.

У ВЕЧЕРНЕГО КОЛОДЦА

Заправить пеньку в оцинкованный коуш,
 Отметить, что солнце уже не палит...
 Смерть входит без стука.
 Хозяйка.
 Чего уж...
 А я не готов, хоть помыт и побрит.

Побрит, но не брит, не латыш, не пшеклентый,
Советский, российский,
Пропахший костром,
Живущий землей не арендной, не рентной,
А честной, добытой тяжелым трудом.

Не молод уже, но в порядке и в силе,
И эта хозяйка пока не моя...
Гудели комбайны и псы голосили,
И тучи белесой кривые края

Висели над полем как рваные свитки,
Где всякое слово старо и мудро...
Мычали коровы, скрипели калитки,
И ворот скрипел, и гремело ведро;

Дрожала пенька, и хрустальная влага
Плескалась и падала вниз тяжело...
Домашних гусей за ватагой ватага
С пшеничных полей возвращалась в село.

И я понимал, что и солнце, и гуси,
И красная жатка, и колос литой,
И в небе осеннем высокие гусли
Над славной отчизной, до боли простой,

Во мне будут жить до последнего часа,
И где-нибудь в самой забытой дыре
Я вспомню, как я этим всем облучался
И буду спокоен на горьком одре.

* * *

Ты, мой век двадцать первый, меня не морочь,
Мне в двадцатом еще нагадали метели,
Чтоб пронес я в глазах моих черных, как ночь,
Эти песни, что степи Алтайские пели.

Край велик! Понимаю теперь это я.
И суров! Хорошо мне досталось когда-то!..
Лижут волны песок, моет берег струя,
И пшеница шумит, тяжела и усата.

Разделяя себя на «тогда» и «сейчас»,
Не представляю: потом что еще приключится...
Все пустее причал, все темнее баркас,
Все сильнее из плетней выпирают ключицы.

Я однажды решусь и отдам якоря...
Время — то ли ушло, то ль иное настало?

Так же красен закат, в той же дымке заря,
Те же птицы щебечут в ветвях краснотала.

Все, как прежде, с чего же болит под соском,
От чего прожитое родней и светлее?
Это космос меня засыпает песком,
Что на ощупь незрим, но плиты тяжелее.

* * *

Когда ложится снег на плечи,
Когда светло под сапогом
Скрипит мороз и зимний вечер
Плывет к домам от берегов
Реки, заваленной снегами,
Когда туманная звезда
Едва мерцает над холмами
Еще неясная,
Когда
Озябший голос отзовется
На стук дверей в чужом дворе,
И по сугробам к конуре
Собака беглая вернется,
Когда свои огни дома
Загасят, как бы ненароком,
И почернеют стекла окон,
В углах затянутые льдом —
Я прихожу в свой тихий дом.
Я печь топлю.
На пламя дую.
Стою у темного окна.
Смотрю на улицу ночную,
И до утра без сна ночую...
Мне нужно иногда — без сна.

* * *

Не ошибся страной, не ошибся посылом,
Жил, как в школе учили, как правил отец,
Что же горестно мне в мире этом постылом,
Где — когда не петля, то терновый венец.

Город черных дворов и литых истуканов,
Город медных коней и летящих авто...
Самодельное пойло в граненых стаканах,
Подворотное зелье в подкладках пальто.

Наш Сайгон еще жив. Камни бредят стихами.
Плесень вымели вон, золотая руда
Перемолота в прах, продана с потрохами,
Кто свалил за бугор, кто ушел навсегда.

Не ищу этой грусти, хочу быть веселым!
Помогая себе и крылом, и рукой,
Я подняться хочу на крыльцо к новоселам,
И увидеть, что в доме уют и покой;

Где — когда не смычок, то аккорды гитары,
Где в глазах не испуг, а веселия дрожь,
Где шумит детвора, и целуются пары,
И высок каравай, и приварок хорош.

Я так мало прошу, я так мало желаю,
Я хочу, чтоб дышалось привольно стране,
И еще я хочу по собачьему лаю
Узнавать, что пришли не за мной, а ко мне.

* * *

Осенью кукушки безголосы,
Осенью кукушку не слышать...
Ближние и дальние покосы
Утомились. Время — отдыхать.
До весны...
Зима придет, закружит,
Заровняет ровного ровней,
На кустах навесит белых кружев,
Засверкает в сумраке сеней.
Холоду каленого напустит,
В русской печке запалит дрова...
Мама испечет пирог капустный...
Маме скоро восемьдесят два.

...Инеем подернутые рамы,
На стекле деревья, глухари.
Снег со льдом...
Давно не стало мамы.
Тянет холодком из-под двери...
Нащиплю лучины из березы,
Принесу из погребка грибы,
Наварю картох. Какие прозы!
Стопочку наполню,
Маму вспомню...
Осенью кукушки безголосы...
Не до кукованья.
Выжить бы...

АПРЕЛЬ

Печали не жду и не жажду покоя.
С крылечка шагну и увижу в ночи
Огромное небо сквозного покроя
Из черного шелка и черной парчи.

Предгорье встревожено ревом оленьим,
Околыш зари переходит в зарю,
И камень огромный блестящим тюленем
Лежит у воды, раздувая ноздрю.
И хочется слушать,
И хочется слышать
О чем эта ночь, о каких чудесах
Молчит отрешенно и трепетно дышит,
Считая мгновенья на звездных часах.
И только в распадке, как в темном подвале,
Сраженные напрочь дурманом хвои,
Задрав бородатые лики свои,
Две птицы токуют и знают едва ли
Что где-то их слушают,
Кто-то их слышит,
И видит воочью как в черной ночи
Плывет глухариная песнь и колышет
Край неба из шелка и черной парчи.